

## Хлеб для нас

По сложившейся уже традиции мы рассматриваем антрепризные спектакли в общем процессе театральной жизни, но как будто немного на обочине, каждый раз отмечая, что есть нечто, не позволяющее вписать эти работы в культурный контекст. Как правило, виной тому и наше нецивилизованное восприятие антрепризы как таковой (и здесь причина не столько, может быть, в нас, воспринимающих, сколько в самой антрепризе, от цивилизованных отношений порой очень и очень далекой), и почти исключительно развлекательная тематика спектаклей: все, что полнее, попроще, на усредненный вкус, на непритязательное эстетическое восприятие; главное, чтобы «звезд» было побольше, а задуматься над смыслом жизни можно и в другом месте, например, в репертуарном театре.

Хотя, что греха таить, встречается и в антрепризе другой подход к театральному искусству. Редко, но все же... И в этом смысле спектакль **театрального агентства «Богис» «Человек из ресторана»** по повести И.Шмелева (автор инсценировки и режиссер Андрей Лукьянов) представляется почти счастливым исключением. Первые критики спектакля отказали ему фактически во всем: в серьезности проблематики, в актерских находках, в целостности режиссерского замысла. Но

вот прошли первые спектакли, улеглись страсти, и оказалось, что наряду с серьезными недостатками есть и достаточно серьезные обретения. По крайней мере, на мой взгляд, а дело наше — индивидуальное. Личностное, как и сам театр.

Написанная в 1911 году, повесть «Человек из ресторана» явила России, а чуть позже и миру, крупного, самобытного писателя, унаследовавшего у отечественной литературы прошлого, быть может, одну из самых сильных и горьких ее проблем: «маленького человека», раз за разом оказывающегося беззащитным перед «свинцовыми мерзостями жизни». Но было нечто в творчестве Ивана Шмелева, что сразу выделило его из ряда писателей Серебряного века, — прочное, ничем не подмененное религиозное чувство, точное понятие нравственных ценностей и невозможность принести их в жертву чему бы то ни было. В то время, когда накануне Первой мировой войны творческая интеллигенция России металась между верой и безверием, отрицала положительный идеал и эстетизировала красоту как гибельную, дьявольскую силу, начинающий писатель создал повествование о простом человеке, проходящем сложный путь освобождения от духовного рабства. И сегодня эта тема для нас невымысленно важна. То,

что одним из первых так остро ощутил ее антрепризный театр, делает ему честь.

Название повести двойственно, и к сильным сторонам спектакля относится именно твердое понимание этой двойственности: человек — как ресторанный оклик официанта и человек — как моральное, оценочное качество. Духовный путь Якова Скороходова пролегает между этими двумя вехами.

Якова Скороходова играет Виктор Сухоруков — артист мощной харизмы, как принято сегодня говорить, острого включения зрителя в круг переживаемых чувств, ощущений. Он резко выделяется с первых же эпизодов спектакля точно заявленной и интерпретированной темой, точным проживанием каждого мгновения сценического действия: от благостного пикника, устроенного семьей Скороходовых в свободный день, до той минуты, когда, скорченный, утративший внутренний стержень, этот маленький человек будет смиренно сидеть над коляской своей внучки и слушать рассказ «блудного сына» Коленьки (Дмитрий Павленко) о злключениях, и внезапно глаза его набухнут слезами, и словно из самой глубины души вырвется вопль: «Коля!..» Режиссер Андрей Лукьянов выстроил спектакль на редкость современно, подчеркнув, сделав отчетливо слышимой каждую ноту, вписывая повесть И.Шмелева в контекст отечественной культуры как живое продол-

жение, трепетное наследие: здесь не только о «маленьком человеке» речь, но и о том, что есть человеческое достоинство, и о том, что такое мучительный, неизбежный, драматический конфликт «отцов и детей», по словам Шмелева, тех «луков, из которых... дети посланы вперед», подобно стрелам. И слишком далеко улетают стрелы, не вернешь. Но именно в этом и заключен горький смысл будущего, в которое все мы устремлены. Инсценировка повести потребовала от режиссера серьезных усилий, может быть, поэтому первый акт кажется немного размытым — здесь больше протанцовывается (балетмейстер-репетитор Ирина Зиброва), нежели чувствуется, больше уходит в поверхностное ощущение, нежели влечет на глубину. Хотя главные герои выделяются сразу: рядом с Виктором Сухоруковым, не уступая ему, глубоко и сильно существует жена Скороходова Луша, замечательная актриса МХАТ им. М.Горького Лидия Матасова. К сожалению, этого нельзя сказать о других персонажах: дочь Наташа (Наталья Селиверстова), сын Коля, жилец Черепяхин (Александр Сири) сыграны поверхностно, вяло, без второго плана. И все же... Спектакль оставляет сильное и «сложносоставное» впечатление, после него хочется думать, читать, жить как-то иначе, внутренне распрямившись. Может быть, это происходит потому, что простым языком великой



Сцена из спектакля «Человек из ресторана»

литературы, пронзительным мастерством артиста нам сказано самое простое: все в тебе самом, если ты тверд в своих нравственных убеждениях?... Жизнь на то и жизнь, чтобы кромсать, ломать, терзать унижениями и потерями, а ты храни в себе «сияние правды», вот и все. Популярность «Человека из ресторана» уже при жизни Шмелева была невероятной, повесть была переведена на двенадцать языков, критики самых разных школ и пристрастий сходились в ее оценке. Но это — одна сторона популярности. Была и другая. Рассказывают, что в 1918 году в голодном, истерзанном

войной и революцией Крыму, где он тогда жил, Иван Сергеевич зашел в Феодосии в столовую в надежде раздобыть хлеб. Хозяин отказал ему, а затем, узнав, что перед ним автор «Человека из ресторана», увел его к себе, сказав: «Для вас — хлеб есть». Сегодня, когда не сосчитать сортов хлеба, тот единственный, что в дефиците, духовный хлеб, есть и для нас, благодаря спектаклю Андрея Лукьянова «Человек из ресторана».

*Наталья Старосельская*

